

УДК 821.133.1-1-053.2

DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-152-163

О СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Марина П. Тихонова

Смоленский государственный университет, Российская Федерация

В своём современном виде поэзия для детей появилась во Франции в XX веке. Её обновлению способствовали политические и социальные изменения общества, которые повлияли на отношение социума к детям. На смену морализаторству и дидактизму приходят демократические тенденции, отразившиеся и в языке детской литературы. Современные поэты, пишущие для детей, пользуются не только литературным (нормативным) вариантом языка, но и такими субстандартными формами, как разговорно-фамильярный язык, просторечие, аргот и территориальные диалекты. Социальные разновидности языка привлекают своей ненормативностью, специфической лексикой и фразеологией, непринуждённостью, экспрессивностью, эмоциональностью и оценочностью. Кроме того, эта лексика обладает очень высоким людическим потенциалом. Разговорные элементы могут выполнять в детской поэзии разные функции: они воссоздают живую речь, позволяют взрослому встать на позицию равного с ребёнком, создавая эффект соучастия, а иногда удивления и неожиданности. Однако главная роль субстандартной лексики в детской поэзии заключается в усилении людической функции. Субстандартные формы языка в детской литературе свидетельствуют также об определённых изменениях, которые эта лексика претерпела в лингвистическом сознании французов: к ней уже не относятся как к «языковым нечистотам», а рассматривают её как неотъемлемый компонент французской культуры, в котором отражается национальная языковая картина мира.

Ключевые слова: современная французская поэзия для детей и юношества, субстандартная лексика, просторечие, фамильярно-разговорная лексика, аргот

SUBSTANDARD VOCABULARY IN THE FRENCH CHILDREN'S POETRY

Marina P. Tikhonova

Smolensk State University, Russian Federation

Children's poetry in its modern form appeared in France in the 20th century. Its renewal was facilitated by political and social changes in the society, which had an impact on the attitude towards children. Moralization and didacticism were replaced by democratic tendencies, which found their reflection in the language of children's literature. Contemporary poets writing for children use not only the literary (normative) version of the language, but also such substandard forms as common language, argot and territorial dialects. Social varieties of the language attract poets by their unnormativeness, specific vocabulary and phraseology, naturalness, expressiveness, emotionality and evaluative character. Besides, this vocabulary has a very high ludic potential. Colloquial elements can perform different functions in children's poetry: they recreate live speech, enable the adult to take the position of equality towards the child, thus

creating the effect of complicity and sometimes surprise. However, the main role of substandard vocabulary in children's poetry is to reinforce the ludic function. Substandard language forms in children's literature also indicate certain changes that this vocabulary has undergone in the linguistic consciousness of the French: it is no longer treated as "linguistic garbage", but is considered as an integral component of French culture, which reflects the national linguistic picture of the world.

Keywords: *contemporary French poetry for children and adolescents, substandard vocabulary, common language, colloquial vocabulary, argot*

В своём современном виде поэзия для детей (как, впрочем, и вся детская литература) появилась во Франции и в Европе в целом сравнительно недавно, в XX веке. Обновлению литературы для детей и юношества способствовали серьёзные политические и социальные изменения общества, которые привели к некоторому стиранию классовых границ, что, в свою очередь, изменило отношение социума к детям: ребёнок перестаёт уподобляться взрослому; на смену морализаторству и дидактизму, долгое время царившим в литературе для детей, приходят новые, демократические, тенденции; утверждается равенство детской и взрослой литературы в нравственном и этическом отношении.

Эволюция детской литературы во Франции привела к тому, что, унаследовав некоторые традиции предыдущих эпох, она постепенно переросла в коммерческую (массовую) литературу. В первой половине XX века наблюдается значительное расширение круга детского чтения, и во многом это происходит благодаря детским журналам, которые начинают активно публиковать комиксы, быстро завоевавшие всеобщую любовь. Кроме того, детская литература становится богаче и разнообразнее в жанровом, тематическом и стилистическом отношении. На протяжении XX века происходит всё большая дифференциация детской книги, художественные особенности которой определяются прежде всего возрастом, интересами и увлечениями юных читателей [Береговская, 1996: 75].

Изменения, произошедшие в детской литературе, приводят и к «осовремениванию» её языка, в который начинают активно проникать элементы, присущие живой разговорной речи. Эта тенденция очень чётко прослеживается и во французской детской поэзии, язык которой сегодня представлен не только литературным (нормативным) вариантом (хотя именно это вариант доминирует), но и более ограниченными в употреблении пластами лексики, в частности, различными субстандартными формами, которые включают в себя:

- разговорно-фамильярную лексику (le lexique familier),
- просторечие (le langage populaire),
- аргот (le lexique argotique),
- территориальные диалекты (le lexique dialectal).

Перечисленные категории традиционно рассматриваются как социальная или территориальная (в случае с диалектами) разновидность языка, которая характеризуется ненормативностью, специфической лексикой и фразеологией, непринуждённостью, экспрессивностью, эмоциональностью и оценочностью. Именно эти качества, присущие субстандартной лексике в целом, объясняют интерес к ней как со стороны авторов, так и читателей.

Конечно, мы не можем говорить о высокой степени частотности неконвенциональных элементов в произведениях, адресованных детской аудитории. Однако эта лексика давно

заняла свою нишу в детской литературе и в поэзии в том числе.

Наибольший интерес в контексте французской поэзии для детей представляет, как нам кажется, арготическая лексика. На проникновение арготизмов в современную книжную речь обращает внимание Э.М. Береговская: «в гомеопатических дозах, в виде отдельных вкраплений самые частотные арготизмы появляются даже в текстах, адресованных детям» [Береговская, 1997: 61]. Причём, как отмечает исследователь, речь идёт не об отдельных исключительных или случайных феноменах, а «мы имеем дело с процессом» [Береговская, 1996: 75].

Использование арготизмов и других видов субстандартной лексики оказывается очень эффективным «приёмом», к которому всё чаще прибегают современные авторы. Привлекательность этой лексики обеспечивается её очень высоким людическим и экспрессивным потенциалом. Такие слова мгновенно приковывают к себе внимание, вызывая у читателя определённую реакцию, создавая тот или иной эффект.

Далее мы рассмотрим на примере произведений современных французских, а также франкофонных бельгийских авторов те функции, которые субстандартная лексика может выполнять в детской поэзии.

Прежде всего, лексемы, свойственные современному разговорному языку, позволяют поэтам воссоздать речь ребёнка, подростка или взрослого персонажа во всей её естественности:

Parfois tu ressembles à un chat
sans les moustaches.
Tu n'écoutes plus mes blablas,
tu t'enroules, tu te caches,
tu te pelotonnes,
et puis tu ronronnes.
Devant la télé,
tu miaules un peu.
« Ah, ces actualités ! »
Tu sors tes griffes.
Tu parles de manif.
Après, de nouveau, tu t'enroules,
dans le divan petite boule
presque aimable,
toi mon garçon-chat,
mon ado – mon adorable.

[Norac, 2017: 87]

В стихотворении «Mon adorable», написанном нашим современником, бельгийским поэтом Карлом Нораком (Carl Norac), мы видим трогательную любовь матери к сыну-подростку. Мама обращается к сыну, называя его безусым котёнком (*un chat sans les moustaches*), который больше не прислушивается к её словам (*tu n'écoutes plus mes blablas*), сворачивается клубочком на диване и мурлычет, мяукает перед телевизором, а иногда показывает свои коготки. Для мамы её подросший сын (*mon ado*), с колючим характером, по-прежнему остаётся милым мягким комочком (*petite boule presque aimable*), мальчиком-котёнком (*garçon-chat*), которого она очень любит (*mon adorable*).

Отметим разговорные элементы, точно передающие язык современной молодёжи (в

этом тексте, как и в некоторых последующих примерах, мы выделили субстандартные лексемы подчёркиванием):

1. *Blabla m* – болтовня; что-то пустое и бессмысленное. В процитированном стихотворении этим словом, пришедшим из английского языка, передаётся отношение подростка к надоевшим родительским нотациям. В конце XX века лексема *blabla* была зафиксирована в словарях французского аргю (см., например [Colin et al., 1990: 60]), однако современные лексикографические источники относят её к разговорному языку, сопровождая пометой *разг. (fam.)*.

2. *Manif f* – уличная демонстрация. Как и предыдущая лексема, существительное *manif* (апокопа от *manifestation*) перешло из разряда арготизмов [Colin, et al., 1990: 385; Colin et al., 2010: 486] в разговорную лексику.

3. *Ado m* – подросток (апокопа от *adolescent*). Это существительное также относится к категории современной разговорной лексики и активно используется как взрослыми, так и самими подростками. Обратим внимание на фонологическую игру, основанную на звуковой переключке слов *ado* и *adorable*: *mon ado* – *mon adorable* (мой обожаемый подросток).

Используя субстандартную лексику, поэты стремятся показать, что они говорят на одном языке со своими юными читателями, что они посвящены в их жизнь, в их маленькие секреты, понимают их проблемы. Использование разговорного языка, близкого и понятного детям, позволяет взрослому встать на позицию равного с ребёнком, создавая некий эффект соучастия. Во французской арготологии, например, в исследованиях Ж. Бенсимон-Шукрун, для обозначения подобных слов используется термин «*mots de connivence*» (*connivence* – соучастие, сговор) [Bensimon-Choukroun, 1991], в то время как российские исследователи аргю, в частности Т.И. Ретинская, оперируют термином «парольные слова» [Ретинская, 2012].

Нередки случаи, когда субстандартная лексика становится основой, на которой поэты строят языковую игру. Отметим, что в детской поэзии игровая, или людическая, функция является одной из ведущих, ведь игра – это доминирующий вид деятельности ребёнка. Поэты, пишущие для детей, играют словами, смыслами, звуками, образами, создавая причудливый мир, который очень притягателен для ребёнка.

Обратимся к двум текстам, в которых по-разному обыгрывается разговорное существительное *la patate* (картошка).

Бельгийский поэт Пьер Коран (Pierre Coran) прибегает к приёму реализации метафоры в стихотворении «*Pourquoi la patate a-t-elle des yeux ?*»:

– Pourquoi la patate
A-t-elle des yeux ?

– Pour plaire aux tomates,
Aux grillons frileux,
Aux vers acrobates
Sans tête ni queue ? <...>
– Si une patate
N'avait pas ses yeux,
N'en déplaise au ciel
Et aux taupes grises

Comment pourrait-elle
Ôter sa chemise ?

[Coran, 2015: 44–45]

Поэт использует олицетворение, изображая обычный картофель в юмористическом ключе: у этого живого существа есть глаза (*des yeux*), оно носит рубашку (*sa chemise*) и очень нравится помидорам, сверчкам и дождевым червям. Реализация метафоры происходит в этом поэтическом тексте благодаря обыгрыванию разных значений существительных *les yeux* и *la chemise*, которые воспринимаются здесь как в прямом значении (*глаза* и *рубашка*), так и в переносном (*картофельные глазки* и *мундир* (*potommes de terre en chemise* – картофель в мундире)). Мерцание значений, или силлепс, когда в лексеме одновременно актуализируются разные значения, становится возможным именно в контексте с существительным *la patate*, вокруг которого и выстраивается интересный художественный образ. П. Коран воспроизводит таким образом своеобразный буквализм детей, который может проявляться при интерпретации, например, метафор: детский «реализм» переносится на отражение окружающего мира в сознании, ограниченном жизненным опытом ребёнка. Именно с особенностью детского восприятия связаны, по мнению Э.М. Береговской, случаи буквального толкования детьми стёртых языковых тропов [Береговская, 2009: 11], что и демонстрирует процитированное стихотворение. Не случайно реализация метафоры – частый приём в поэзии для детей.

Совсем иначе обыгрывает ту же разговорную лексему французский поэт Пэф (Pef). Он насыщает стихотворение экзотическими, загадочными именами, которые оказываются не чем иным, как названиями сортов картофеля, в чём поэт «признаётся» лишь в конце стихотворения:

En cette fin de siècle, sous l'étoile du Nord,
le beau Victor Great Scot d'Early Rose
et Dédora, géante bleue d'Esterlingen,
causaient Saucisse et Industrie.
(Et patata et patati...)
<...>
Toutes dansaient aux portes de Kerr's Punh
pour les beaux yeux
de pommes d'air,
elles qui n'étaient que pommes de terre
aux noms énigmatiques de héros !
(Et patati, patate à l'eau...)

[Pef, 1989: 27]

Появляющееся в последнем стихе существительное *patate* вступает в звуковую игру с другим элементом разговорного языка – междометием *et patati et patata* (и то и другое, и пятое и десятое), которое заранее «намекает» на истинного «героя», словно предвосхищая неожиданную развязку.

В детской поэзии встречаются стихотворения, принадлежащие к той категории языковых игр, которые основаны на интертекстуальности и предметом которых является одинаковый вербальный материал. Этот материал по-разному интерпретируется

авторами, и комический эффект этих стихотворных трансформаций возникает из-за явного просвечивания второго плана и резкого несовпадения серьезных фрагментов подтекста (исходного текста, или гипотекста, по определению Ж. Женетта [Genette, 1982]) и юмористических фрагментов гипертекста. Часто в таких текстах снижение стиля достигается именно за счёт использования субстандартной лексики. Проиллюстрируем это явление на примере из сборника антипословиц (*faux proverbes*) «*Proverbes et dictons farfelus*» [Malineau, Caillou 2007], в само название которого уже включено разговорное прилагательное *farfelu* (причудливый, необычный, забавный). Одна из шуточных антипаремий принадлежит перу Люсьены Декон (Lucienne Decaunes):

Tel blair
Tel pif.

[Malineau, Caillou 2007: 11]

В качестве гипотекста для своего пастиша автор выбрал известную французскую пословицу «*Tel père tel fils*» («Каков отец, таков и сын» или «Яблоко от яблони недалеко падает»), в которой существительные *père* (отец) и *fils* (сын) заменены на их паронимы: просторечное *blair* (лицо, физиономия; нос) [Colin et al., 2010: 77] и разговорное *pif* (нос; нюх) [Colin et al., 2010: 606] – «Каково лицо, таков и нос» или «Каков нос, таков и нюх». В этом примере мы имеем дело с паронимической аттракцией, которая, по определению И.Н. Кузнецовой, представляет собой «двустороннее (в плане выражения и в плане содержания) сближение языковых единиц одного или разных языков, обусловленное их, в первую очередь, фонетическим, но также и вытекающим из него семантическим уподоблением и приводящее к созданию стилистического (риторического) эффекта» [Кузнецова, 2003: 31]. В процитированной антипословице главную роль в реализации людической функции играет фактор снижения, перевода высокого в низкое.

В некоторых случаях субстандартная лексика очень гармонично «встраивается» в синонимические ряды. В стихотворении французского автора Жан-Люка Моро (Jean-Luc Moreau) «*Le bonimenteur*» уличный зазывала приглашает детей на цирковое представление. Для обращения к детям поэт создаёт синонимический ряд из трёх существительных, в которых прослеживается градация (*les enfants* → *les petits* → *les pitchouns*):

Bim-boum ! Bim-boum !
Venez, les enfants,
Voir notre spectacle
Ébouriffant !

Bim-boum ! Bim-boum !
Venez, les petits,
Voir les sapajous,
Les ouistitis ! <...>
Bim-boum ! Bim-boum !
Venez, les pitchouns,
Pleurer – mais de rire
Avec les clowns !

Bim-boum ! Bim-boum !
Allons, avancez :
Notre grand spectacle
Va commencer !

[Moreau, 1992: 13–14]

С каждым последующим элементом градации мы наблюдаем усиление аффективного заряда: за стилистически нейтральным *les enfants* следует разговорное *les petits*, которое сменяется пришедшим из провансальского диалекта ласковым обращением к ребёнку – *les pitchouns*. В последней лексеме заключена ярко выраженная положительная коннотация, которая передаёт нежное отношение взрослого к ребёнку.

Большинство изученных нами стихотворений подтверждают наблюдение Э.М. Береговской об «отдельных вкраплениях» субстандартной лексики в произведениях, адресованных детской аудитории. Однако иногда авторы буквально насыщают свои тексты разговорными словами, просторечиями и арготизмами. Гипертрофированная концентрация субстандартных элементов делает такие поэтические тексты необычайно яркими и выразительными

В стихотворении Ж.-Л. Моро «Petite litanie des saints oubliés» субстандартная лексика выступает в качестве основы для создания собственных имён. В этом тексте, наполненном интертекстуальными связями, отсылками, аллюзиями, легко угадываются стилевые черты текста молитвы. С помощью имитации и мимикрии стилей поэт создаёт своеобразный пастиш, который целиком строится на перечислении имён святых:

Sainte Nitouche et saint Glinglin,
Sainte Frousse et toi, saint Frusquin,

Saint Tartarin, sainte Mistoufle,
Saint Phalzar et sainte Pantouphle,

Saint Cornislas, sainte Gamberge,
Saint Hannibal martyr et vierge,

Bienheureux saint Ping et saint Pong
Patrons des pêcheurs du Mékong,

Sainte Barbe des Appalaches,
Saint Papaver, sainte Moustache,

Cinq-Mars-la-Pile et Saint-Genouph,
Protégez-nous, grand dieu, protégez-nous !

[Moreau, 1980: 87]

Ономастическое пространство стихотворения крайне неоднородно и, более того, противоречиво, поскольку в нём переплелись как настоящие имена святых (*Sainte Barbe*, *Saint Hannibal*), так и авторские, для которых поэт использует топонимы (*Cinq-Mars-la-Pile*, *Saint-Genouph*), нарицательные существительные (*papaver*, *moustache*, *nitouche* и др.)

и устойчивые обороты (*à la saint-glinglin*). Обратим внимание на некоторые изменения, которые автор вносит в графическую структуру отдельных лексических единиц и словосочетаний, чтобы превратить их в имена собственные: замена строчной буквы на прописную (*Nitouche, Glinglin, Frousse, Frusquin* и др.); упразднение дефиса (*saint-glinglin* → *saint Glinglin, saint-frusquin* → *saint Frusquin*); разъединение сложносоставного существительного ping-pong (*Bienheureux saint Ping et saint Pong*).

В результате всех перечисленных трансформаций возникает ряд стилистически маркированных собственных имён. Примечательно, что в создании большинства авторских новообразований участвуют разговорные, просторечные и арготические лексемы:

- *sainte nitouche* f – разг. недотрога
- *à la saint-glinglin* [Colin et al., 2010: 722] – разг., арг. когда-нибудь, когда рак свистнет
- *saint-frusquin* m [Colin et al., 2010: 722] – разг., арг. скарб, пожитки
- *frousse* f – разг. страх
- *tartarin* m – разг. хвостун, бахвал, фанфарон
- *phalzar* m, *falzar* m [Colin et al., 2010: 327] – разг., арг. штаны
- *mistoufle* f [Colin et al., 2010: 519] – прост. нищета
- *gamberge* f [Colin et al., 2010: 379] – прост., арг. рассуждение, соображение; мысль, расчёт

Авторские окказионализмы, отличающиеся своей структурной необычностью, уже сами по себе служат мощным стилистическим сигналом, который усиливается здесь благодаря отстранению – отклонению от обычного, бытового предметного описания за счёт изменения ракурса изображения, внешнего облика и внутренней структуры [Эффективное речевое общение: 397–399]. Смешение нейтральной, субстандартной и возвышенной (*saint, bienheureux, martyr, dieu*) лексики, создающее эффект неожиданности, контраста, позволяет нам по-новому взглянуть на привычные вещи, переосмыслить знакомые слова, предметы или явления, почувствовать тонкие нюансы языковой игры, увидеть неожиданные образы.

Ещё большую концентрацию слов, принадлежащих к сниженной лексике, мы встречаем в стихотворении французского поэта Жака Шарпантро (Jacques Charpentreau) «Apostrophes: quelques injures et insultes diverses», вошедшем в сборник «La banane à la moutarde» (ему посвящена одна из наших публикаций [Тихонова, 2016]). В этом необычном сборнике поэт с юмором рассказывает о непослушных детях, об их проказах и шалостях. Во многих стихотворениях прослеживается схожесть с популярными у российских читателей «Вредными советами» Григория Остера. Например, Жак Шарпантро предлагает читателям отказаться от привычных оскорблений и использовать вместо них новые, оригинальные, «авторские»:

Va donc, eh ! Vieux chaudron rouillé !
Trouillard frileux, poule mouillée,
Eau de vaisselle de cantine,
Apéritif à l'albumine,
Synecdoque, sonné, sinoque,
Loup-garou, louftingue, loufoque,
Four de chanteuse wagnérienne,
Ramassis de crottes de chienne,

Tache d'œuf séché sur la barbe
D'un clochard en gare de Tarbes,
Sainte-Nitouche, vieux syntagme,
Diafoirus, diafoireux, diaphragme,
Pot de confitures moisies,
Schnock à la trogne cramoisie, <...>
Boustrophédon, mégathérium,
Abonné de Pandémonium,
Menton graisseux, mouchoir gluant,
Chaussettes trouées, bas puants,
Enseigne sale de bistrot,
Dracula du dernier métro,
Avorton, singe, freluquet,
Mal embouché, mal éduqué,
Grossier malotru qui saccage
La dignité du beau langage !

[Charpentreau, 1986: 32–33]

На двух страницах этого поэтического текста расположился солидный список из рифмующихся ругательств, в котором смешались арготизмы, просторечия, научная и специальная (терминологическая) лексика. Обращает на себя внимание сниженная лексика, вошедшая в этот обескураживающий репертуар:

- *trouillard* m [Colin et al., 2010: 812] – разг., арг. трус
- *frileux* [Colin et al., 2010: 366] – разг., арг. боязливый
- *poule f mouillée* – разг. мокрая курица
- *sonné* [Colin et al., 2010: 749] – разг., арг. чокнутый, ненормальный
- *sinoque* [Colin et al., 2010: 744] – разг., арг. сумасшедший
- *louftingue* – разг., арг. тронутый, чокнутый
- *loufoque* [Colin et al., 2010: 473] – разг., арг. тронутый, чокнутый
- *schnock* [Colin et al., 2010: 734] – прост., арг. сумасшедший, глупый
- *trogne* f – разг. физиономия
- *freluquet* m – разг. ветрогон, хлыщ, фат
- *mal embouché* m – разг. невежа, грубиян

Ж. Шарпантро отталкивается от принципа «воспитание от противоположного», прибегает к логике «от обратного», с юмором переворачивая типичные жизненные ситуации, гиперболизируя их. Так юные читатели получают возможность посмотреть на себя со стороны и понять неуместность или неприглядность своего поведения.

Наблюдения показывают, что появление субстандартной лексики в поэзии для детей придаёт поэтическому тексту своеобразную стилистическую окраску. Эта лексика реализует свой выразительный потенциал, эффективно взаимодействуя с другими языковыми средствами. Она может создавать не только эффект соучастия, но и эффект удивления, ведь маленькие читатели не ждут появления в стихотворениях таких необычных слов и всегда бурно реагируют на них. Однако главная роль арготизмов и близкой к ним фамильярной и просторечной лексики в детской поэзии заключается, прежде всего, в создании или усилении людической функции, без которой невозможно представить детскую литературу.

Вместе с тем, субстандартные формы языка, «внедрившиеся» в современную поэзию для юных читателей, свидетельствуют и об определённых изменениях, которые эта лексика (и прежде всего арго) претерпела в лингвистическом сознании французов: к ней уже не относятся как к «языковым нечистотам», а рассматривают её как неотъемлемый компонент французской культуры [Береговская, 1995], в котором отражается национальная языковая картина мира.

Литература

- Береговская Э.М. (1995) Изменение статуса арго в лингвистическом сознании французов. Лингвистика на исходе XX в.: итоги и перспективы. Т. 1. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 48–50.
- Береговская Э.М. (1996) Современная французская литература для детей и арго. Стиль современной французской литературы для детей. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт. С. 75–92.
- Береговская Э.М. (2009) Стилистика в подробностях. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 232 с.
- Береговская Э.М. (1997) Французское арго: эволюция восприятия. Филологические науки. № 1. С. 55–65.
- Кузнецова И.Н. (2003) Парономастическая функция языка и её речевые проявления. Риторика ↔ Лингвистика. Вып. 4: Сборник статей. Смоленск: СГПУ. С. 24–34.
- Ретинская Т.И. (2012) Социолингвистический и функционально-стилистический анализ французских профессиональных арго: дис. ... докт. филол. наук. Орёл. 366 с.
- Тихонова М.П. (2016) Банан с горчицей, или Стихи для маленьких проказников. Риторика ↔ Лингвистика: сборник статей / отв. ред. М.П. Тихонова, ред. Е.Ю. Кожина, А.З. Тавасиева. Вып. 12. Смоленск: Издательство СмолГУ. С. 341–351.
- Bensimon-Choukroun, G. (1991) Les mots de connivence des jeunes en institution scolaire: entre argot ubuesque et argot commun. Langue française. no. 90. P. 80–94.
- Genette, G. (1982) Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris, Seuil. 470 p.

Источники

- Charpentreau, J. (1986) La banane à la moutarde. Paris, Éditions Nathan. 88 p.
- Coran, P. (2015) Amuserimes. Paris, Librairie Générale Française. 94 p.
- Malineau, J.-H., Caillou, P. (2007) Proverbes et dictons farfelus. Paris, Albin Michel Jeunesse. 37 p.
- Moreau, J.-L. (1980) L'Arbre perché. Paris, Les Éditions Ouvrières. 175 p.
- Moreau, J.-L. (1992) Poèmes de la souris verte. Paris, Hachette. 173 p.
- Norac, C. (2017) Poèmes pour mieux rêver ensemble. Paris, Actes Sud Junior. 96 p.
- Pef (1989) Attrapoèmes : Farces et Attrapoèmes de Pef. Paris, Gallimard. 40 p.

Словари

- Эффективное речевое общение (базовые компетенции) (2012): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета. 882 с.
- Colin, J.-P., Mével, J.-P., Leclère, Ch. (2010) Le dictionnaire de l'argot et du français populaire. Paris, Éditions Larousse. 976 p.
- Colin, J.-P., Mével, J.-P., Leclère, Ch. (1990) Dictionnaire de l'argot. Paris, Larousse. 764 p.

References

- Beregovskaya, E.M. (1995) *Izmenenie statusa argo v lingvisticheskom soznanii frantsuzov. Lingvistika na iskhode XX v.: itogi i perspektivy* [Changes in the status of argot in the linguistic consciousness of the French]. Vol. 1. Moscow, MGU, pp. 48–50. (In Russ.)
- Beregovskaya, E.M. (1996) *Sovremennaya frantsuzskaya literatura dlya detej i argo. Stil' sovremennoj frantsuzskoj literatury dlya detej* [Contemporary French children's literature and the argot. The style of contemporary French children's literature]. Smolensk, Smolensk State Pedagogical Institute, pp. 75–92. (In Russ.)
- Beregovskaya, E.M. (2009) *Stilistika v podrobnostyah* [Stylistics in details]. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM», 232 p. (In Russ.)
- Beregovskaya, E.M. (1997) *Frantsuzskoe argo: evolyutsiya vospriyatiya* [The French argot: evolution of its perception]. *Filologicheskie nauki*. no. 1, pp. 55–65. (In Russ.)
- Kuznetsova, I.N. (2003) *Paronomasticheskaya funktsiya yazyka i eyo rechevye proyavleniya* [Paronomastic function of the language and its manifestations in the speech]. *Ritorika ↔ Lingvistika*. Issue 4. Smolensk, SGPU, pp. 24–34. (In Russ.)
- Retinskaya, T.I. (2012) *Sotsiolingvisticheskiy i funktsional'no-stilisticheskiy analiz frantsuzskih professional'nyh argo: dis. ... dokt. filol. Nauk* [Sociolinguistic and functional-stylistic analysis of French professional argots: doctoral thesis]. Oryol, 366 p. (In Russ.)
- Tikhonova, M.P. (2016) *Banan s gorchitsej, ili Stihi dlya malen'kih prokaznikov* [Bananas with mustard, or poems for little mischief-makers]. *Ritorika ↔ Lingvistika / Chief ed. M.P. Tikhonova, ed. E.YU. Kozhina, A.Z. Tavasieva*. Issue 12. Smolensk, Izdatel'stvo SmolGU, pp. 341–351. (In Russ.)
- Bensimon-Choukroun, G. (1991) *Les mots de connivence des jeunes en institution scolaire: entre argot ubuesque et argot commun*. *Langue française*. no. 90. P. 80–94. (In Fren.)
- Genette, G. (1982) *Palimpsestes. La littérature au second degré*. Paris, Seuil. 470 p. (In Fren.)

Text sources

- Charpentreau, J. (1986) *La banane à la moutarde*. Paris, Éditions Nathan. 88 p. (In Fren.)
- Coran, P. (2015) *Amuserimes*. Paris, Librairie Générale Française. 94 p. (In Fren.)
- Malineau, J.-H., Caillou, P. (2007) *Proverbes et dictons farfelus*. Paris, Albin Michel Jeunesse. 37 p. (In Fren.)
- Moreau, J.-L. (1980) *L'Arbre perché*. Paris, Les Éditions Ouvrières. 175 p. (In Fren.)
- Moreau, J.-L. (1992) *Poèmes de la souris verte*. Paris, Hachette. 173 p. (In Fren.) (In Fren.)
- Norac, C. (2017) *Poèmes pour mieux rêver ensemble*. Paris, Actes Sud Junior. 96 p. (In Fren.)
- Pef (1989) *Attrapoèmes : Farces et Attrapoèmes de Pef*. Paris, Gallimard. 40 p. (In Fren.)

Dictionaries

- Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii) (2012): slovar'-spravochnik [Efficient communication (basic competencies: a reference book) / Ed. by A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, Izd-vo Sibirskogo federal'nogo universiteta, 882 p. (in Russ.)
- Colin, J.-P., Mével, J.-P., Leclère, Ch. (2010) *Le dictionnaire de l'argot et du français populaire*. Paris, Éditions Larousse. 976 p. (In Fren.)
- Colin, J.-P., Mével, J.-P., Leclère, Ch. (1990) *Dictionnaire de l'argot*. Paris, Larousse. 764 p. (In Fren.)

Тихонова Марина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Смоленского государственного университета.

Адрес: 214000, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4.

Эл. адрес: brick_67@bk.ru

Для цитирования: Тихонова М.П. О субстандартной лексике во французской детской поэзии. [Электронный ресурс]. Социоллингвистика. 2020, № 4(4). С. 152–163. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-152-163

For citation: Tikhonova M.P. Substandard vocabulary in the french children's poetry. Sociolinguistics, 2020, no. 4(4) [online], pp. 152–163. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-152-163